

История философии 52 Эпистемология Канта.

Автор: д-р Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Готовы вернуться к Иммануилу Канту. В прошлый раз мы провели чисто вводное занятие, пытаюсь разобраться в его проекте и терминологии. Тогда мы фактически охватили первые десять страниц отрывка из «Критики чистого разума» Кауфмана.

Надеюсь, в процессе чтения вы обнаружили это сходство. Нет особого смысла пытаться это утверждать, если это не поможет вам познакомиться с этим материалом. Сегодня мы хотим рассмотреть его эпистемологию, его теорию познания, которая охватит две части критики, которые он называет трансцендентальной эстетикой, а затем трансцендентальной аналитикой.

Эстетическое восприятие связано с чувственным восприятием, а аналитическое — с пониманием. Именно благодаря концепциям, которые мы имеем в своем понимании, мы способны выносить суждения. Именно благодаря априорным структурам восприятия мы можем иметь ясные перцептивные представления, чувственные представления и ясные и четкие идеи подобного рода.

Поэтому четко различайте эти понятия. Обратите внимание, что в трансцендентальном анализе, занимающемся пониманием, мы имеем дело со способностью мышления, в отличие от способности восприятия.

И этого, как мне кажется, достаточно, чтобы различить эти два понятия. Его мысль заключается в том, что мы не начинаем мыслить в обобщенных или абстрактных терминах о природном мире или о себе, или даже не начинаем думать о Боге, не получив хотя бы некоторого ввода от способности к чувственному восприятию, которая предшествует пониманию. Таким образом, вы обнаруживаете, что Кант говорит, что понятия без восприятий пусты, а восприятия без понятий слепы.

Видите ли, если понятие — это абстрактная общая идея, а мы слышали об абстрактных общих идеях от Локка, Беркли и Хилла, таких понятиях, как причина и следствие, как субстанция. Но эти понятия, эти абстрактные общие понятия, пусты, не имеют содержания, кроме перцептов. То есть, частных чувственных восприятий.

Но с другой стороны, восприятия без понятий слепы. Видите ли, они не имеют смысла. Они не знают, куда идут.

Они ни к чему не приводят. Поэтому нам необходимо не только различать способность к восприятию и способность к мышлению, не только различать чувственные представления и абстрактные идеи, но и признать, что чувственные представления являются необходимым условием для развития абстрактных идей. Они взаимосвязаны.

Итак, после всего сказанного, вы, возможно, сможете разобраться в терминологии, которую я здесь привел, и которую он подробно объясняет в одном из разделов. Вы увидите её, если ещё не обнаружили. Хотя термин «Аншань», как я полагаю, буквально означает «проницательность», обычно его переводят как «интуиция», а интуиция — это осознанность.

Всё, что мы непосредственно осознаём, познаётся посредством интуиции. И, конечно же, согласно традиции, восходящей к Локку, то, что мы непосредственно осознаём, — это наши собственные идеи. Таким образом, наша интуиция — это интуиция, основанная на идеях или чувственных восприятиях.

Видите ли, Аншань — это интуиция. Вы встретите этот термин на протяжении всего анализа.

Помните об этом. Это относится к умственному акту осознания, понимания. Умственный акт.

В отличие от ментального содержания, которое Джон Локк называл идеей. Представление о чем-то внешнем. И акт, и содержание следует отличать от способности, от возможности, которой мы обладаем для восприятия.

Похожий воздушный змей. Факультет. «Чувствительность» — так это переводится, что не очень удачный английский термин, учитывая, как мы используем слово «разумный».

В этом смысле это не очень разумный термин. Но я думаю, если вы поймете, что эти три термина связаны с эстетикой, трансцендентальным эстетическим восприятием. Помните, что термин «эстетика» в немецком языке, да и в большинстве европейских стран, относится просто к чувственному опыту, а не только к эстетике в нашем узком понимании, к искусству или красоте.

Но в буквальном смысле греческого глагола, который присутствующие греки понимают, означает «воспринимать». Варвары подхватили это по ходу дела. Так что, получается, речь идёт о трансцендентальной эстетике.

На данном этапе это не имеет никакого отношения к искусству. Хорошо, это отличается от трансцендентального анализа. Verstand — это термин, обозначающий понимание.

Отсылка к факультету. Мышление. И begriff , концепция, абстрактная идея.

Хорошо, запомните эту терминологию. Возможно, она станет понятнее , когда вы посмотрите на следующий пункт на доске. Мы знакомы с этой рубрикой.

Начиная с Декарта, разум мгновенно осознает собственные идеи, которые являются лишь субъективными представлениями о внешней реальности или претендуют на это. И именно с этой системы координат, конечно же, начинают Декарт, Локк и Беркли.

И Юм, в некотором смысле. Но и Кант тоже. Видите ли, Кант принимает эту рубрику, которая была частью той рационалистической традиции, в которой он вырос.

Вы помните Вольфа Баумгартнера, последователей рационализма в Германии, живших после Лейбница? Он вырос в этой традиции. Но также и в традиции Юма, который пробудил его от догматического сна.

Таким образом, сам его проект — это проект, возникший в рамках этой традиции. Проблема, которую он пытается решить, — это проблема, поставленная, если хотите, этой рубрикой. А именно, как нам прийти к идее причины и следствия? Юм, эмпирист, говорит, что это априорное понятие.

Из опыта мы не получаем никакого представления о причинно-следственной связи, причинной необходимости. Мы получаем лишь идею постоянной взаимосвязи. Затем, психологически, мы начинаем воспринимать это как необходимость.

Итак, он начинает с этого. Хорошо, теперь переведем это на язык Канта. И если мы говорим об идеях в смысле чувственного восприятия, то наше восприятие вещей, по Канту, является результатом слияния двух вещей.

С одной стороны, это необработанные, сырые сенсорные стимулы, а с другой — форма, которую им придает разум, его способность их воспринимать. Иными словами, утверждение Джона Локка о том, что в чувственном восприятии разум — это чистая доска, *tabula rasa*, неверно. Дело не в том, что у нас есть врожденные идеи, как говорил Платон, или самоочевидные понятия, как считал Декарт.

Но дело скорее в том, что разум в некотором смысле запрограммирован на обработку информации чувственным образом. Если вам нужна аналогия, отличная от *tabula rasa* или чистого воскового листа, на котором остаются отпечатки, представьте себе футляр для скрипки, который идеально подходит по размеру к инструменту. Или, еще лучше, представьте форму для льда, в которую поступает необработанная, необработанная сенсорная информация, и она выходит уже сформированной, обработанной таким образом, чтобы вы могли мысленно ее воспринять.

Таким образом, наш реальный перцептивный опыт, то, что мы действительно переживаем, — это сформированный, структурированный чувственный опыт, который так или иначе объединился в единое целое. Обратите внимание, насколько это масштабно. Наши чувственные восприятия — это мельчайшие вещи.

Согласно Юму. Иными словами, мы получаем простые впечатления. Бип.

Бип. Бип. Между ними нет никакой связи, никаких взаимоотношений не выявлено.

Они абсолютно атомистичны. Как же тогда мы воспринимаем эти три сигнала как один, когда они ускорены? Бип. А как же нам добраться из пункта А в пункт Я? Мы добираемся.

И, конечно же, физиология восприятия, по-видимому, сводится к стимулам, атомистическим стимулам для органов чувств. Таким образом, с точки зрения атомистической природы чувственных впечатлений, нет никакой согласованности, единства, структуры или порядка. И, конечно же, у нас есть пять различных органов чувств.

В традиции Юма нет никакой установленной связи. Нет никакой связи между глазами и ушами, носом и вкусом. И все же, каким-то образом, с теплой, восхитительной едой, все пять чувств задействованы одновременно.

Цвет. Запах. Текстура, которую вы ощущаете, пробуя его на вкус.

Звук шипения, доносящийся до вас. Видите ли, это всё одно целое. Вы готовы к этому? У нас есть единый чувственный опыт.

Видите ли, именно поэтому Аристотель говорил о дополнительном чувстве, *sensus communis*, чувстве, общем для всех пяти чувств. Так или иначе, Кант пытается объяснить нечто подобное. Сплоченность, объединение, взаимосвязь всех атомарных элементов в одном более целостном чувственном опыте, чувственном восприятии.

Итак, если эмпирический ввод поступает к нам в атомистическом виде, в виде бомбардировки, оглушительного, гудящего хаоса, обрушивающегося на все органы чувств, так или иначе, то всё это сортируется и упорядочивается. Поэтому наши способности должны обеспечивать некую структуру, фильтр, какую бы метафору вы ни использовали. То же самое верно и в отношении понимания, потому что наши восприятия обеспечивают перцептивный опыт.

Но как мы переходим от индивидуального перцептивного опыта к общим абстрактным идеям? К тем типам понятий, с которыми работает разум? Он утверждает, что разум так устроен, так функционирует, вспомните, что Юм говорил о склонностях разума. Шотландские реалисты говорили о склонностях разума.

Кант тоже так думает. Он говорит о способностях. Но разум обладает способностью предоставлять структурные принципы, позволяющие нам осмыслить происходящее в мире перцептивного опыта.

И тогда понимание начинает формулировать суждения о перцептивном опыте. Различные виды суждений, различные категории суждений. Таким образом, вы формулируете причинно-следственные суждения.

Да. Вы выносите количественные суждения. То есть, всё ли так или только некоторые вещи? Но вы выносите другие виды суждений, потому что научились концептуализировать, классифицировать.

Категории не выводятся эмпирическим путем ; их предоставляет разум. В опыте нет ничего, что могло бы дать вам категории. И опять же, если понятие категорий кажется новым, это не так .

Помните, у Аристотеля были свои категории. Субстанция, качество и т. д. Десять категорий мышления.

Десять категорий бытия. Соответствующие друг другу. Категории — это просто способы, которыми мы мыслим.

Таким образом, разум — это не просто случайный мыслитель, а мыслитель, направляемый определенными каналами. Мы мыслим в соответствии с заданными каналами. Такова наша природа.

Упорядочен не только ньютоновский мир физики, но и ментальный мир. Фактически, Кант переносит этот порядок в ментальный мир, поскольку оказывается, что эти категории на самом деле являются категориями Ньютона.

Концепции Ньютона. Таким образом, структура ньютоновской Вселенной — это структура, которую мы ей задали. Но так ли это на самом деле, мы не знаем.

Мы так устроены. Мы говорим о мире в терминах пространства, времени, причинно-следственных связей, материи и субстанции. Существуют категории.

Таким образом, он работает в рамках картезианской теории, но вместо пассивного участия разума в этом процессе, как это было у Локка, разум является активным участником. Именно разум структурирует опыт и мышление. Именно разум создает свой собственный осмысленный мир.

Неизвестно, имеет ли мир сам по себе какой-либо смысл. Но к тому времени, когда мы его познаем и начнем о нем размышлять, он, по крайней мере, станет для нас значимым. Именно поэтому наука возможна.

Наука говорит о мире, каким мы его воспринимаем. О феноменальном мире. Не обязательно о мире как таковом, но о номенальном мире.

Хорошо, теперь это должно связать сегодняшний новый шаг с тем, о чем мы говорили в прошлую пятницу. Понимаете? Хорошо. Вопросы? Комментарии? Прежде чем мы перейдем к чему-либо более конкретному.

Райан? Категории, которые у нас есть в сознании и которые сформировали этот ньютоновский взгляд на мир, посредством которого мы обрабатываем чувственные данные и классифицируем их таким образом, — разве можно сказать, что они универсальны или что мы рождаемся с ними? Да. Есть способы, как они могут влиять на нас, будь то биологические или культурные. Видите ли, именно эти формы и категории он называет априорными. А априорные, по его мнению, означают, что они универсальны.

Они не просто культурные. Они универсальны и необходимы. Иными словами, мы не можем думать иначе.

В этом есть логическая необходимость. Вот почему все видят вещи живыми. Да.

Различия в индивидуальном опыте не меняют того факта, что у всех нас есть пространственный опыт. Все мы мыслим причинно-следственными категориями. Это всегда присутствует.

Этого не избежать. Почему Юм не смог этого избежать? Вот, пожалуйста. Этого не избежать.

Хорошо. Дэвид? Аристотель говорил, что именно из-за природы этого порядка бытия у нас возникают категории, потому что они фактически присутствуют в природе. Да, это хороший аргумент.

В то время как для Канта категории — это просто категории мышления, для Аристотеля это категории реальности, а также категории мышления. Таким образом, для Аристотеля это монополия на реальность, поэтому аристотелевская философия на протяжении Средневековья не испытывала никаких эпистемологических проблем. Видите ли, если категории мышления совпадают со структурами реальности, то рациональное является реальным.

Реальность рациональна. Вы обладаете исключительным правом на её существование. Кант не отрицает, что наши категории являются категориями реальности.

Он говорит, что у нас нет возможности это узнать. Откуда можно знать, что дерево упало в лесу, когда здесь никого нет... Это примерно то же самое, что и с Беркли. Откуда можно знать? Эстер? Верно.

Значит, всё то же самое. Хорошо, тогда... Да. Да.

Как бы отреагировал Кант? Думаю, он был бы удивлен существованием неевклидовых геометрий. Думаю, это была бы его первая реакция, потому что неевклидова геометрия — это продукт чего? Конца XIX века? Кажется, я прав. Лобачевской, римановой геометрии, которая отличается от евклидовой тем, что пятый постулат в ней другой.

Помните пятый постулат Евклида: параллельные прямые никогда не пересекаются? Так вот, в неевклидовых геометриях они либо сходятся, либо расходятся. В результате получаются самые разные, по евклидовым меркам, результаты, которые гораздо полезнее евклидовой геометрии, когда речь идёт о бескрайних просторах космоса. Так что неевклидова геометрия всё же находит применение, когда дело доходит до так называемой кривизны пространства.

Да. Ну, очевидно, что философский метод Декарта основывался на методе евклидовой геометрии. Ньютоновская физика использовала евклидову геометрию.

Оптика — наука, которая была движущей силой развития физики на европейском континенте. Следует помнить, что Декарт действительно работал в области оптики. Он зарабатывал на жизнь, вращая узлы шлифованных линз, и одновременно применял методы геометрии в философии.

Ну, что тут можно сказать, кроме удивления? Думаю, он бы отреагировал одним из двух способов. Первый: сказал бы: «О, эти различия незначительны».

Возможно, потребуется некоторая доработка моих категорий, но это, пожалуй, всё. Неевклидова геометрия не отрицает таких понятий, как субстанция, причина и следствие. Итак.

Во-вторых, Кант мог бы сказать: «Хорошо, тогда, видимо, мне нужно пересмотреть своё утверждение о том, что двумя формами чувственного восприятия являются пространство и время. Видите ли, геометрия имеет дело с пространством».

Это наука о пространстве. И если у вас другое представление о пространстве в неевклидовой геометрии, чем в евклидовой, то его утверждение о существовании универсальной категории, или, скорее, универсального понятия пространства, должно быть изменено. Поэтому я думаю, что большинство людей, следующих кантовской линии, склонны меньше думать об априорных формах чувственности, пространства и времени и делать акцент исключительно на априорных категориях понимания.

Понимаете? Видите ли, формы пространства и времени, возможно, являются приобретенными. Последующая неокантианская мысль, поскольку в XIX веке существовало неокантианское движение, возродившееся в конце XIX века и оказавшее влияние до начала XX века, породила экзистенциализм. Позднее неокантианцы рассматривают эти категории как приобретенные, культурно усвоенные, передаваемые, усвоенные в ходе опыта и изменяющиеся в ходе опыта.

Макс Вебер, например, в культурном плане. В этом случае мы получаем релятивизацию структур мышления. Понимаете? И это, очевидно, значительно затрудняет утверждение существования какой-либо объективной истины в науке.

Потому что если категории находятся под влиянием культуры, то возникает ещё большая проблема с определением каких-либо объективных точек отсчёта, совпадающих с ними. Да. И в этом смысле именно неокантианское движение, релятивизирующее априорные системы, привело к культурному релятивизму, к релятивизации понятия истины, а не только знания.

Видите? И к различным видам субъективизма в XX веке, одним из которых был экзистенциализм. Так что имейте это в виду. Кстати, в прошлый раз я говорил, что начну сегодняшний день с обсуждения влияния Канта, и, кажется, я об этом забыл.

Хорошо, позвольте мне кратко обозначить некоторые моменты, а к обсуждению мы вернемся позже. Акцент Канта на человеческой субъективности и ее творческих ресурсах, которые мы используем для познания, придает новый смысл термину «воображение». Обратите внимание на то, как Кант его использует.

Мы поговорим об этом, если не сегодня, то в следующий раз. Воображение. Оно послужило отправной точкой для Кольриджа и ранних романтиков, которые говорили о воображаемом самовыражении, самовыражении в искусстве.

Романтизм — результат влияния Канта, с его акцентом на творческом потенциале нашего внутреннего «я», на творческих ресурсах внутреннего «я». И если в некоторых областях психологии, применяемых к искусству, вы слышите понятие определенных универсальных символов, универсального символизма, определенных видов глубинной психологии, то это влияние Канта. Вы сами увидите.

Глубинная психология в целом, фрейдистская, юнгианская. Косвенно — влияние Канта. Определенные субъективные факторы формируют наше поведение и наши мысли.

Вы увидите. Немецкий национализм. Зло.

Теперь, если отбросить индивидуализм XVIII века и перейти к более корпоративному чувству идентичности XIX века, то внутренний дух этой корпоративной идентичности будет излучать всю кантовскую творческую силу. В XIX веке национализм косвенно находился под влиянием Канта. Это было выражением романтизма на национальном уровне.

Романтизированное представление о природе. Концепция «явного предназначения» и тому подобное. Романтизм XIX века.

Немецкий идеализм. Гегель и ему подобные. В конечном счете, истинная природа разума — это созидательные мысли.

Понимаете, о чём я? Кант. Экзистенциализм. Да, мы живём в мире голых, бессмысленных фактов, и нам приходится создавать свои собственные смыслы и свою собственную ценность, самих себя, по сути, согласно Сартру.

Знаете, невозможно читать Сартра, не услышав едва уловимых отголосков Канта, от которых тот бы перевернулся в гробу. И так далее. Или же можно обратиться к постмодернистскому движению наших дней.

Видите ли, акцент на субъективности возникает повсюду, так что у вас вообще нет объективного знания. Герменевтическое движение. Движение политической корректности.

Видите ли, всё это говорит о субъективных влияниях, субъективных влияниях. Всё началось с Канта. Бедный Кант, он и половины этого не имел в виду.

Но зло, которое творят люди, живет после них. Добро часто раскалывается вместе с их костями. И я думаю, это относится и к Канту.

Шекспир рано, но верно говорил о Канте. А что насчет Дэвида? Ну, это зависит от того, что вы подразумеваете под словом «объективный». Слово «объективный», как и слово «субъективный», имеет как минимум два разных значения.

Возможно, это означает, как и в Беркли, что субъективное — это то, что находится в вашем уме. Так у Канта. Оно находится в вашем уме.

Объективное — это то, что независимо от какого-либо разума, какого-либо познающего, какого-либо сознания. Для Канта же это субъективные характеристики, а не объективные. Но я называю это метафизической субъективностью и метафизической объективностью.

Но другое понимание субъективности и объективности носит скорее поведенческий характер. Какой подход вы используете? Какова ваша позиция, когда вы смотрите на что-либо? Объективная позиция — это позиция отстранённого наблюдателя. Наблюдателя.

Уважаемый наблюдатель! Я стараюсь быть достаточно объективным при оценке ваших экзаменационных работ. По крайней мере, я стараюсь так поступать.

Говорите что угодно гадости о Канте и обо мне, а я постараюсь отстраниться и быть объективным. С другой стороны, субъективная позиция — это позиция, требующая глубокого понимания. Страстная.

Мне не всё равно. Вот это и есть кьеркегордовское понимание субъективности. Когда Кьеркегор говорит о субъективном пути, он говорит о страсти, о беспокойстве.

«К христианству вы приходите, вы приходите ко Христу субъективным путем», — говорит Кьеркегор. Он не имеет в виду, что все это субъективно и относительно. Нет, он имеет в виду, что вы не можете прийти без страсти веры, любви, надежды.

Иначе вы не придёте? Итак, различайте эти два смысла: отношение и метафизику. Эстер? Да. Что ж, именно это и имеет в виду Кант.

Они не находятся во внешнем мире. Мы никак не можем это узнать. Да.

Ну, они субъективны в том смысле, что представляют собой структуры, заложенные в нашем восприятии и мышлении. В этом смысле они уже существуют. Вам не нужно разрабатывать какое-либо понятие.

Они уже функциональны. Они не являются врождёнными в том смысле, что у вас нет какой-то врождённой идеи, которую вы уже знаете и о которой думаете независимо от опыта. Нет.

У вас нет ясных и отчетливых врожденных идей, которые бы вспоминались под воздействием диалектики Платона. Нет. У вас нет ясных и отчетливых идей, которые становятся самоочевидными при размышлении.

Нет. Вы осознаёте это только в процессе действия. Да, сэр? То есть, вы не добираетесь до этого просто интроспективно, с помощью диалектики.

Каким способом вы к ним добираетесь? Трансцендентальным методом. Трансцендентальным методом. Помните, в прошлый раз? Что такое трансцендентальный метод? Это метод доступа к трансцендентальному эго.

Трансцендентальное «я». Что он подразумевает под трансцендентальным? Помните, он не подразумевает трансцендентность. Он не подразумевает трансцендентность.

Хотя иногда он путает эти два слова, по крайней мере, в переводах это так. Он имеет в виду трансцендентальный. То есть, творческий, субъективный вклад в опыт.

Итак, как же мы к этому приходим? Ну, трансцендентальный метод, видите ли, — это попытка отбросить все эмпирические детали и спросить, что же осталось. Вы поняли? Я не уверен, судя по вашим лицам. Позвольте мне привести отрывок, и вы можете его подчеркнуть, потому что крайне важно понимать, насколько влиятельным становится этот метод.

Вам нужна прежде всего страница 372. Верхняя часть первого столбца. Даже с учетом нашего опыта, различные виды знаний смешиваются, и их происхождение должно быть априорным.

Даже если мы исключим из опыта всё, что относится к чувствам, то есть частные детали, всё равно останутся определённые исходные понятия и определённые

выведенные из них суждения, которые должны были возникнуть совершенно априори, независимо от всякого опыта. Теперь запомните это, а может быть, и потрогайте пальцем, и посмотрите на 375. Второй столбец в новом абзаце, 375, я называю трансцендентальным всё знание, которое занимается не столько объектами, сколько нашими априорными понятиями об объектах.

Хорошо? Значит, это будет метод, который рассуждает не о внешнем мире, а об этой априорной сетке, которая наделяет нас этими субъективными структурами. Систему таких концепций можно было бы назвать трансцендентальной философией. Это было бы огромным предприятием.

А затем на странице 376 вы замечаете, что второй раздел называется «Трансцендентальная философия». И он говорит, что это идея критики чистого разума, которая, в соответствии с установленными принципами, разработала бы план, гарантирующий полноту и достоверность всех частей, из которых состоит здание. Попытка добраться до этой априорной структуры, так сказать, плана построения знания, чертежа, который является субъективным.

Видите? И, соответственно, когда вы добираетесь до элементов трансцендентализма, трансцендентальная эстетика — это попытка применить его. Теперь, после первоначальных определений, о которых я говорил там, на страницах 377, в самом низу первой колонки, вы найдете следующее. В феномене, в чем-то, что вам представляется, в чем-то, что вы переживаете, я называю то, что соответствует его ощущению, чувственным стимулам, его материей.

Но то, что заставляет многообразную материю явления восприниматься как расположенную в определенном порядке, я называю формой. Итак, форма и материя. Откуда он взял эти термины? Ну, можно сказать, что он, возможно, позаимствовал их из эстетики в другом смысле, где иногда говорят о картине с точки зрения ее материи и формы.

Но нет, я думаю, это скорее аристотелевский подход. Понимаете? Аристотель говорил о частных вещах как о имеющих форму и материю, о физических частностях. Кант же говорит не о физических частностях как о имеющих форму и материю, а о частных явлениях, частных переживаниях как о имеющих форму и материю.

Итак, эмпирический ввод — вот что составляет суть, предмет исследования, а вот его форма. Понимаете? Форма и содержание. Теперь он хочет отложить в сторону, исключить из рассмотрения содержание опыта.

Неважно, яблочный это пирог, сливовый, изюмный или просто сухой хлеб. Оставьте это в покое. Что же составляет структуру восприятия подобных вещей?

Понимаете ? Не обращайтесь внимания на конкретные цвета , конкретные формы, конкретные запахи и т. д.

Какова структура? Структура опыта. И каким бы ни был этот вид перцептивного опыта, он стремится именно к этой структуре. Теперь посмотрите на нижнюю часть строки 377, на второй столбец, или, скорее, на середину второго столбца.

Если мы выведем из представления, из Форстеллунга , и вы выведете из представления, из Форстеллунга , то, что относится к мышлению разума, субстанциям, силам, делимости, то все равно останется нечто от эмпирической интуиции, древней , а именно, от протяженности. Форма . Это относится к чистой интуиции, априори, независимо от того, какая конкретная форма существует.

Насколько они велики? Насколько малы? Какова их форма? Все они обладают пространственной протяженностью. Двумерной, трехмерной, пространственной протяженностью. Таким образом, существует чистая, не смешанная, а чистая интуиция, априорная, без реального объекта чувственного восприятия.

Чистая интуиция, существующая в уме как форма чувственности. Науку обо всех подобных принципах он называет трансцендентальной эстетикой. И поэтому, на вершине трансцендентальной эстетики мы должны сначала изолировать чувственность, отделив её от понимания, а затем отделить всё, что относится к ощущению, так чтобы не осталось ничего, кроме чистой интуиции, чистой формы явлений.

Единственное, что может дать априорная чувственность. И, по-видимому, существуют две чистые формы чувственной интуиции: пространство и время. Теперь вспомним, что для Ньютона пространство и время были объективными реальностями.

Для Канта это субъективные формы чувственности. Формы чувственного восприятия. Огромные перемены происходят мгновенно.

Он субъективирует пространственно-временную структуру вещей. А теперь позвольте мне добавить сноску, которая заглядывает в будущее. Это будет ему очень полезно в дальнейшем .

Когда он имеет дело со свободой и детерминизмом. В ньютоновском мире пространственно-временных причинно-следственных механизмов, как может существовать такая вещь, как свобода? Свобода выбора, свобода воли. Легко.

Если структура пространства-времени субъективна, то можно обладать объективно реальной свободой. Таким образом, его различие между

феноменами и ноуменами, видимостью и реальностью позволяет ему обладать реальной свободой воли, реальным объективным моральным обязательством, реальным Богом, что было бы проблематично, если бы не субъективность этих форм. Понимаете, к чему он клонит? Да, он вырос в немецкой пиетистской семье.

Хотя он и не остался очень набожным, по крайней мере, кажется, что он сохранил интерес к таким вещам, как моральный закон, свобода, моральная ответственность и божественный законник. И он хочет найти для этого место в ньютоновской вселенной. В ньютоновской вселенной, которая связывает всё с причинно-следственными механизмами материального рода в пространственно-временном мире.

Таким образом, если он может утверждать, что мир физических причин, природа пространства-времени, — это всего лишь субъективная структура, которую мы навязываем опыту, то всё остальное тоже возможно. Следовательно, вывод из критики чистого разума будет таков: есть много места для веры в другие вещи. И в двух других своих критических работах, «Критика практического разума» и «Критика суждения», он продолжает отстаивать эти другие идеи.

Итак, трансцендентальный метод. Это проясняет ситуацию, Эстер? Вы выглядите несколько растерянной, но давайте примем это как есть. Теперь, давайте убедимся, что он утверждает, что пространство и время не являются объективными реальностями.

Подозреваю, что это не должно вас удивлять. Потому что если под пространством и временем вы подразумеваете ньютоновские концепции пространства и времени, и если вы в курсе современных законов физики, то вы не считаете, что пространство и время — это то, что мы в современной физике понимаем как просто относительные возможности. Бесконечного пустого пространства не существует.

Это ничто. Единственный способ осмысленно говорить о пространстве — это когда происходят физические события и существуют некие взаимосвязи, которые мы называем пространственными отношениями между ними. Пространство — это просто абстракция, обозначающая все возможные такие взаимосвязи.

Понимаете ? Время — это не вещь. Оно не сделано из эластичной ткани. Понимаете ? Время — это не вещь.

Это абстракция, которая относится к взаимосвязи между событиями. Понимаете ? Да, и вы прекрасно знаете, насколько забавна эта взаимосвязь.

Время может тянуться бесконечно, или оно может извиваться, как это бывает на философских курсах, или оно может замереть.

Видите ? Да. Не существует фиксированной области времени. Разве Беркли не говорил об этом с эмпирической точки зрения? Понимаете ? Хорошо, теперь Кант, так сказать, подхватывает эту мысль и спрашивает: а что такое пространство и время? Это всего лишь субъективные структуры, с помощью которых мы организуем свой опыт.

Субъективные структуры. Наша способность к восприятию устроена таким образом, что мы воспринимаем вещи последовательно. Бип.

Бип. Ну, вы знаете, и вы ожидаете этого в следующем видео. Бип.

Потому что мы научились мыслить последовательно. Вы воспринимаете мои предыдущие три сигнала последовательно. Понимаете ? И вы также знаете, что после этих трех сигналов я подал вам еще один сигнал.

Вот и всё. Видите ? Но он говорит именно о нашем субъективном восприятии вещей в этих отношениях. А у любой ньютоновской концепции времени нет объективного аналога.

И пространство, и время. И, читая его эстетику, вы поймете, что он имеет в виду. Посмотрите на 378.

Вторая колонка. Пространство не является эмпирическим понятием, выведенным из внешнего опыта. 378.

А затем второй пункт внизу второй колонки. Пространство — это необходимое априорное представление, составляющее саму основу внешних интуиций. А через пару предложений оно становится условием возможности явлений.

Это не определение, вытекающее из явлений. Пространство — это не нечто, создаваемое сенсорным восприятием. Это скорее то, что делает сенсорное восприятие возможным.

Это предпосылка. Трансцендентальный метод пытается определить предпосылки, которые делают опыт возможным. Каковы субъективные предпосылки, которые делают его возможным? Давайте посмотрим.

Да, а затем в следующей колонке, пункт номер четыре. Пространство — это не дискурсивное или общее понятие отношений вещей в целом. Это не обобщение, не эмпирическое обобщение.

Это чистая интуиция. В ней нет никакого эмпирического содержания. Понимаете ? И выводы, к которым он приходит.

Вторая колонка. Пространство само по себе не представляет никаких качеств объектов. Пространство — это не что иное, как форма всех явлений, воспринимаемых внешними органами чувств.

Мы можем говорить о пространстве только с человеческой точки зрения. Если отбросить субъективное восприятие, пространство ничего не значит. Поэтому на странице 380 он пишет об этом так, внизу первой колонки.

Дискуссии учат реальности, объективной достоверности пространства по отношению ко всему, что может предстать перед нами извне как объект, но идеальности пространства по отношению к вещам, рассматриваемым самими собой нашим разумом, независимо от чувств. Что же он хочет сказать? Ну, он говорит это еще раз по-другому. И это яснее.

Мы поддерживаем эмпирическую реальность пространства в отношении любого возможного внешнего опыта. Однако вы редко воспринимаете вещи в пространстве. В этом и заключается эмпиричность.

В личном опыте это реально для вас. В мире, каким он существует для вас, опыт пространствен. В мире, каким он существует сам по себе, это не так.

Эмпирическая реальность. Но при этом он продолжает: это трансцендентальный идеал.

Иными словами, пространство — ничто. Если мы исключим из рассмотрения возможные переживания и примем его как нечто, от чего вещи сами по себе никоим образом не зависят, то нет, оно — ничто.

Это просто идеал, который трансцендентальный разум имеет для того, чтобы получить свой опыт. То же самое почти дословно верно и в отношении времени. И после обсуждения времени он переходит к более общему объяснению.

А на странице 384 он делает свой вывод в середине первого столбца. Время и пространство — это два источника знания, из которых можно вывести различные априорные синтетические познания. Чистая математика дает нам прекрасный пример этого.

Почему? Пространство? Да, именно об этом и говорит геометрия. Наука об идее пространства. Видите ли, геометрия — это не только круглые шары.

Речь идёт о геометрических объектах, таких как круги и сферы. Речь идёт не о какой-либо линии или треугольнике, которые я рисую на доске. Речь идёт об идеальной прямой линии или треугольнике.

В математическом определении прямая линия имеет длину, но не имеет ширины. Другими словами, она не существует эмпирически. Вы не сможете её увидеть.

Точка имеет местоположение, но не имеет размеров. В геометрии точка не является эмпирическим объектом. Точки, линии, треугольники, окружности и сферы — это идеальные сущности, мысленные сущности, которые не существуют эмпирически в физическом мире.

Таким образом, может существовать наука трансцендентной формы. А как насчет времени? Математика времени? Да, а как насчет числовых рядов? Последовательности, числовые ряды. Арифметика — это наука о последовательности времени.

Видите ли, что же мы можем сказать о статусе математики? О, видите ли, здесь очень тесно связана философия математики. У Платона была философия математики, в которой математические объекты рассматривались как реальные, объективные сущности.

Идеал равенства. Равная длина. Идея треугольника, что угодно.

Для Канта в математических объектах нет объективной реальности. Это понятия. Кант — концептуалист.

Платон был реалистом в подобных вопросах. Номиналист будет рассматривать их просто как отношения между произвольно определенными идеями. Концептуалист же будет видеть в математике работу с абстрактными идеями.

Либо универсальные, либо созданные. Абстрактные идеи. Номиналисты считают, что речь идёт просто о значениях слов.

И по сей день эти три основные традиции лежат в основе математики. Кант оказал огромное влияние. Буквально на прошлой неделе я получил экземпляр книги от одного из наших выпускников, Ника Детлефсона, который преподаёт философию математики в Нотр-Даме.

Это его вторая книга. Она посвящена философии математики. И он занимается именно такими вопросами.

Вот и всё. Ну, трансцендентальная эстетика. Пару минут.

Есть вопросы? Тогда давайте закончим на сегодня и вернемся к аналитике в следующий раз.